

Спартанское воспитаніе кадетъ стараго времени.

(Изъ записокъ стараго помѣщика).

уже говорилъ ранѣе въ моихъ запискахъ, что послѣ смерти моего отца въ 1830 г. я зачисленъ былъ въ Царскосельскій Александровскій малолѣтній корпусъ, куда и отвезенъ былъ изъ Саратова до Петербурга на почтовыхъ, такъ какъ желѣзная дорога была въ то время еще только между Петербургомъ и Царскимъ Селомъ.

Изъ Александровскаго корпуса я переведенъ былъ въ концѣ тридцатыхъ годовъ въ Павловскій кадетскій корпусъ, находившійся въ то время въ Петербургѣ на Обуховскомъ проспектѣ.

Директоръ корпуса былъ старѣйшій изъ директоровъ того времени генераль-лейтенантъ Карлъ Ѳедоровичъ Клиненбергъ, батальонымъ командиромъ полковникъ Рындицъ, инспекторомъ классовъ д. с. с. Шейнинъ и его помощникомъ штабсъ-капитанъ Викторъ Андреевичъ Половцевъ, и всѣ они, кромѣ Шейнина, были люди симпатичные и чрезвычайной доброты. Шейнинъ же, очень маленькаго роста и на кривыхъ ногахъ, такъ что пятки расходились чуть не на поларшина, былъ человѣкъ положительно противный и какъ теперь смотрю на него во время классовъ, куда онъ заходилъ въ форменномъ фракѣ со свѣтлыми пуговицами и Станиславской звѣздой. Всегда онъ былъ разозленный и, замѣтивъ улыбавагося кадета, тотчасъ же вытаскивалъ его изъ класса за ухо и поручалъ своему помощнику Половцеву выдрать розгами. И этотъ чудный человѣкъ Половцевъ, однажды произведя такую экзекуцію маленькому новичку кадету, который еще не привыкъ закусивъ руку молчать подъ розгами, какъ дѣлали другіе, а горько плакалъ, ложась на скамью, утѣшалъ его и самъ, прослезившись, говорилъ: „ложись и терпи, Иисусъ Христосъ терпѣлъ и ты терпи“!

Шейнинъ—этотъ старый холостякъ, особенно любилъ маленькихъ хорошенькихъ кадетъ, которымъ и мирволилъ, беря ихъ по праздникамъ къ себѣ въ отпускъ и впоследствии оказалось, что Шейнинъ былъ бугръ и послѣ произведеннаго увѣчья кадету К..., долго страдавшему въ лазаретѣ, онъ, Шейнинъ, былъ признанъ сумасшедшимъ и посаженъ въ сумасшедшій домъ.

Во корпусахъ тогда было совершенно другое распределение какъ ротъ, такъ и классовъ: роты начинались неранжированной, потому шли страннымъ порядкомъ: вторая, третья, затѣмъ первая и гренадерская, у которой былъ особый взводъ для малорослыхъ, стрѣлковый.

Классы же начинались приготовительнымъ, затѣмъ первый, второй, третій и четвертый общіе и потомъ армейскіе и артиллерійскіе классы, изъ которыхъ выпускали уже офицеровъ: изъ армейскихъ въ армію, а изъ артиллерійскихъ—почти во всѣ роды оружія, какъ-то: артиллерию, сацеры, конно-піонеры и даже военные инженеры, несмотря на то, что для послѣднихъ былъ отдѣльный корпусъ противъ Лѣтняго Сада.

Кадеты, получившіе въ артиллерійскихъ классахъ 12 балловъ изъ всѣхъ предметовъ, выпускались въ гвардію. Изъ этихъ выпускныхъ классовъ назначались фельдфебеля, въ каждой ротѣ по одному, а также по нѣсколько въ ротѣ унтеръ-офицеровъ, ефрейтора же были изъ простыхъ кадетъ въ своей ротѣ.

Кормили насъ хорошо, но безъ всякихъ затѣй: утромъ вмѣсто чая, къ сбитню, или кипяченому молоку пополамъ съ водой давали по булкѣ каждому, обѣдъ изъ двухъ блюдъ самыхъ простыхъ и очень скромный ужинъ.

Я, какъ теперь смотрю, какъ маленькіе кадеты въ сортирахъ вытаскивали изъ печей вьюшки и, положивъ на нихъ припрятанные въ карманы отъ обѣда ломтики чернаго хлѣба, обливали его коноплянымъ масломъ изъ лампъ и поджаривали въ печи. Въ то время все освѣщалось коноплянымъ масломъ и о керосинѣ еще не было помина. При этомъ не могу не рассказать одинъ интересный случай того времени: во второй ротѣ, гдѣ, какъ и въ прочихъ ротахъ, кромѣ ротнаго командира было по два субалтернъ-офицера, дежурившихъ по очереди для наблюденія за порядкомъ. Въ этой ротѣ былъ дежурнымъ неуспѣвшій еще облечься въ корпусную форму и носившій армейскій мундиръ поручикъ Поповъ, и утромъ передъ завтракомъ, какъ и всегда, рота выстроилась въ двѣ шеренги лицомъ къ лицу и между кадетами проносили двуручную съ булками корзину, изъ которой бралъ каждый по одной булкѣ, но одинъ изъ кадетъ вздумалъ выбрать себѣ получше

булку и черезъ это нѣсколько булокъ выронилъ изъ корзины, тогда поручикъ Поповъ, слѣдившій за этой процедурой, схватилъ этого кадета за ухо и, вытащивъ изъ строя, поставилъ на колѣни, надорвавъ при этомъ ему ухо до крови, тогда одинъ изъ кадетъ Б... закричалъ: солдатъ!—такъ кадеты прозвали Попова, потому что онъ держалъ себя по-солдатски и ходилъ съ носка на весь слѣдъ, какъ учили тогда маршировать. Поповъ обернулся на крикъ, но въ это время сзади вторично кто-то крикнулъ: „солдатъ! солдатъ!“. Тогда поручикъ Поповъ обратился къ ротному командиру капитану Павловскому. Павловскій этотъ, хотя былъ очень хорошій человекъ, но счелъ нужнымъ потребовать у роты выдачи того, кто кричалъ, но такъ какъ рота молчала, то Павловскій, желая вынудить выдачу крикуна, объявилъ, что будетъ сѣчь черезъ пятого. Принесли скамью и розга за печатью и флангового уже начали раздѣвать, но одинъ изъ кадетъ N... вышелъ впередъ и принялъ вину на себя, его разложили и жестоко драли, такъ какъ на требованіе просить прощенія онъ, закусивъ руку, молчалъ. Тогда рота въ одинъ голосъ закричала: „это не онъ крикнулъ,—это Б“. Наказаніе пріостановили и спросили, зачѣмъ N. принялъ на себя. Тотъ отвѣтилъ, что сдѣлалъ, это желая спасти всю роту отъ не заслуженнаго наказанія. Послѣ этого, конечно, дѣйствительный виновникъ былъ сильно высѣченъ, и оба они были отпращены въ лазаретъ. Обстоятельство это не прошло безслѣдно, о поступкѣ кадета N довели до свѣдѣнія Великаго Князя Михаила Павловича, который былъ главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній и онъ о томъ передалъ Государю. N былъ взятъ во дворецъ, обласканъ Государетъ и игралъ съ маленькими Великими Князьями Михаиломъ и Николаемъ Николаевичами. Этотъ N... былъ хорошій фронтовикъ и даже во время разводовъ подходилъ на ординарца и хотя по ученію не былъ изъ первыхъ, но, благодаря своему поступку, пользовался расположеніемъ не только кадетъ, но и своего начальства.

Розга въ то время въ корпусахъ настолько была обыкновеннымъ дѣломъ, что врядъ ли кто-либо ея избѣгнулъ; почему она и не считалась позорной или обидной, но четвертый общій классъ и, конечно, два выпускныхъ уже были избавлены отъ розги.

Во время лагеря въ Петергофѣ корпусъ нашъ былъ расположенъ рядомъ со 2-мъ кадетскимъ корпусомъ, директоромъ котораго былъ генералъ Бибииковъ, а баталіоннымъ командиромъ полковникъ Кур—ль.

Этотъ Кур—ль отличался своей жестокостью и однажды во время лагеря, наказывая розгами троихъ кадетъ 1-й роты, которые были

уже въ возрастѣ 17—18 лѣтъ, назначилъ для троихъ 200 ударовъ, предложивъ имъ самимъ подѣлать эти удары. Такъ какъ кадеты того времени увлекались геройствомъ во всѣхъ видахъ, то и въ этомъ случаѣ, каждый старался взять себѣ побольше, но Кур—лю послѣ этого не поздоровилось: его палатка, къ которой онъ въ это время пилъ чай, была разнесена кадетами, забросавшими ее камнями.

Этотъ инцидентъ надѣлалъ много шума, но, къ сожалѣнію кадетъ, Кур—ль остался невредимъ.

Насколько въ корпусѣ въ то время обращалось вниманіе на нравственность кадетъ, которымъ не дозволялось даже въ ихъ играхъ имѣть карты и, Боже упаси, курить табакъ, я припоминаю случай съ фельдфебелемъ 2-й роты Н—ъ. Этотъ Н—ъ послѣ еженедѣльнаго отпуска вернулся въ воскресенье въ корпусъ и встрѣтившій его ротный командиръ въ разговорѣ съ нимъ почувствовалъ запахъ табаку, тогда онъ велѣлъ дыхнуть на себя и, узнавъ, что тотъ курилъ, доложилъ объ этомъ директору корпуса, и Н—ъ былъ за это разжалованъ изъ фельдфебелей, что однако же не помѣшало ему, какъ одному изъ первыхъ учениковъ выпускного артиллерійскаго класса, быть выпущеннымъ прапорщикомъ въ гвардію и впоследствии получить извѣстность по чину генерала-отъ-инфантеріи. Мнѣ и теперь пришлось встрѣтить немногихъ моихъ бывшихъ корпусныхъ товарищей, бравыхъ уже полныхъ генераловъ, которые и доселѣ не пьютъ водки и не курятъ табакъ, а мнѣ, пережившему девятый десятокъ старику, вѣроятно, благодаря тому же помогаетъ Богъ читать и писать безъ очковъ.

Мнѣ къ сожалѣнію не суждено было окончить корпусъ и, перейдя уже въ четвертый общій классъ во время Петергофскихъ лагерей на маневрахъ въ Ропшѣ, я получилъ воспаленіе легкихъ и былъ отправленъ въ Петербургъ въ лазаретъ, гдѣ съ трудомъ, поставивъ меня на ноги, доктора запретили мнѣ дальнѣйшее ученіе, и въ 1845 г. я возвратился на родину, гдѣ послѣ кумыснаго лѣченія, мнѣ пришлось хотя не на долго превратиться въ чиновника канцеляріи саратовскаго губернатора по уголовному столу, но въ силу дворянскихъ традицій того времени, когда каждый дворянинъ считалъ своимъ долгомъ имѣть военный чинъ, я, совсѣмъ оправившись здоровьемъ, вскорѣ отправился понюхать кавказскаго пороха. О моихъ кавказскихъ воспоминаніяхъ я уже писалъ ранѣе.

Въ боевой части Кавказа въ сороковыхъ годахъ жизнь ежедневно подвергалась опасности, такъ какъ помимо лѣтнихъ и зимнихъ экспедицій передовыя крѣпости, какъ напримѣръ Воздвиженская, не только часто обстрѣливались неприятелемъ, но даже фуражировка

рубка лѣса для отопленія и пр. и проч., не говоря уже объ окказіи, почти всегда оканчивались перестрѣлкой, но, несмотря на такую жизнь, полную опасностей, она настолько сродняла людей, что оставляли Кавказъ только тѣ, которые вслѣдствіе тяжелыхъ ранъ не могли продолжать службу, и въ мое время были генералы, начавшіе тамъ службу свою съ юнкера, какъ напр. генералъ Козловскій, котораго судьба хранила, мнѣ же, какъ тяжело раненному во время экспедиціи, пришлось выйти въ отставку съ мундиромъ и полнымъ пенсіономъ въ февралѣ 1852 года.

И затѣмъ всю мою остальную жизнь я посвятилъ общественной службѣ, занимая всѣ высшія должности и прослуживъ такимъ образомъ въ продолженіе четырехъ царствованій, вотъ уже восемь лѣтъ живу на покоѣ, награжденный необычайной царской милостью.

В. А. Шомпулевъ.

